

**Адыгейская тема
в научном наследии этнографа
А. С. Бежковича**

САМОВТОР Сергей Владимирович

*Кандидат исторических наук,
главный специалист Государственный архив
Краснодарского края, г. Краснодар, Россия.
Электронный адрес: sergej-samovtor@yandex.ru.*

ЧУМАЧЕНКО Виктор Кириллович

*Кандидат филологических наук, профессор, старший
научный сотрудник отдела экспертно-консультативной
деятельности и проблем культурного и природного на-
следия Южного филиала Российского научно-исследова-
тельского института культурного и природного наследия
имени Д. С. Лихачева, г. Краснодар, Россия.
Электронный адрес: vchum@rambler.ru.*

**Circassian (Adyghe) Theme
in the Scientific Heritage
of Ethnographer A. Bezhkovich**

Sergei V. SAMOVTOR

*Cand. Sci. (National History),
Head Expert, State Archives of the Krasnodar Region,
Krasnodar, Russia.*

E-mail: sergej-samovtor@yandex.ru

Victor K. CHUMACHENKO

Cand. Sci. (Theory of Literature), Prof.,

*Senior Researcher, Department of the Expert Advisory
Activities
and Problems of Cultural and Natural Heritage,
South Branch, Russian of the Research Institute
for Cultural and Natural Heritage,
Krasnodar, Russia
E-mail: vchum@rambler.ru*

Аннотация

В статье анализируются новые факты из биографии выдающегося отечественного этнографа А. С. Бежковича, в том числе его работы, посвященные народному быту и культурным традициям адыгов.

Ключевые слова: А. С. Бежкович, Адыгея, этнография Северного Кавказа, народный быт, культурные традиции

Abstract

The article analyzes new facts from the biography of the outstanding Russian ethnographer A. Bezhkovich, including his works devoted to the way of life and cultural traditions of the Circassians.

Keywords: A. Bezhkovich, Adyghea, North Caucasus ethnography, way of life, cultural traditions

Долгие годы имя А. Бежковича на Северном Кавказе было известно малому кругу историков и этнографов. Интерес к биографии ученого игнорировался редакторами научных изданий каждый раз, когда начинали всплывать такие

опасные слова-маркеры, как «русская национальная партия», «арест», «Гулаг»... Но вот в 2004 г. встал вопрос о публикации в краснодарском литературно-историческом журнале «Родная Кубань» студенческих дневников Афанасия Семеновича, которые он вел в декабре 1923 — августе 1924 гг. во время первой своей научной экспедиции на Кубань и в Адыгею [4] с целью изучения жизни трудовых коммун. Поездка была организована этнографическим отделением Петроградского Географического института, где кубанский казак учился.

Судя по записям в дневнике, Бежкович прибыл на Кубань в самом конце 1923 г. Самая первая с объяснением, почему именно она стала объектом «для экономического и этнографического исследования» сделана 28 декабря в станице Ильской. Оказывается, именно она приглянулась ему как наиболее типичная станица Закубанья, предгорной полосы. Часами он делал статистические выписки в сельсовете «о рождаемости, смертности и бракосочетаемости» ильчан, знакомился с местным землеустройством и рыболовством, советским школьным строительством. Новый год встретил здесь же, что дало возможность записать местные новогодние традиции и обычаи прямо с натуры. А вот Сочельник и Рождество он провёл в родной Нововеличковской и позволил себе задержаться здесь на целых две недели, чтобы применить университетские познания к созданию как можно более полного этнографического портрета родного уголка.

15 января А. С. Бежкович прибыл в аул Панахез, чтобы изучить жизнь и быт черкесского племени шапсугов. Этот процветающий и ныне аул на две недели стал его «резиденцией», откуда лежал путь и в другие окрестные адыгские поселения. Многочисленные меткие наблюдения зафиксированы в дневниковых записях, обрываю-

шихся концом января, когда первая часть командировки очевидно, закончилась. Нет необходимости пересказывать впечатления молодого исследователя. Мы полностью приводим их в приложении к нашей статье. Отметим лишь, что в дневнике, который не был предназначен для печати, а потому располагал автора к полной откровенности суждений, мы не найдем ни малейшей нотки неуважительного или пренебрежительного отношения к людям, среди которых ему довелось жить, к их героическому прошлому, их гармоничному и целомудренному быту, с тактом и уважением рассказывается о насыщенной поэтическими представлениями высокой духовной культуре горцев [4, с. 74–78]. Вторая половина экспедиции проходила в августе 1924 г. и была целиком посвящена обследованию жизни и деятельности двух трудовых коммун: «Всемирная дружба» и «Федоровская». Собранные в ходе этих двух поездок на Кубань и в Адыгею материалы были использованы Бежковичем при написании книги «Коллективизация сельского хозяйства на Юге России» [2], а также статей «Молодые черкесы», «Черкесский комсомол» и «Черкесская культура» [3; 5; 6], которые давно уже за их неутративший своего научного значения потенциал пора собрать воедино, переиздать и ввести таким образом в широкий научный оборот современного кавказоведения.

Какое же место в ряду перечисленных публикаций занимают юношеские этнографические дневники А. С. Бежковича? Они, несомненно, добавляют множество характерных черт к тому, о чем исследователь писал в качестве официального автора и был стеснен определенными идеологическими условиями того времени. Они глубоко личности, предельно искренни и написаны смелым, еще «непуганым» ученым, хотя в его памяти были свежи

и беспощадный террор «белых» и ужасы большевистских «чрезвычайек», нашедшие к стати весьма впечатляющее отражение на страницах рукописи.

Работа по подготовке «Дневника» к печати уже в наше время поставила перед издателями ряд серьезных вопросов о личности их создателя. С большим опасением приступил к написанию предисловия один из соавторов данной публикации профессор В. К. Чумаченко. Слишком скудные сведения о биографии ученого содержали имевшиеся в его распоряжении справочные издания, что сразу же показалось странным и настораживало. Ведь судя по немногочисленным публикациям, он был уроженцем столицы нашего края, города Екатеринодара, и должен был порядочно здесь «наследить». Но даже попытка обнаружить в списках горожан первой четверти XX столетия фамилию Бежкович заканчивалась ничем: ни среди живых, ни среди мертвых таковых не значились. Да и фамилия какая-то странная по звучанию, для Кубани совсем не характерная: то ли польская, то ли белорусская, то ли еврейская. Издатель торопил, и пришлось автору предисловия, скрепя сердце повторить информацию из официальных источников [11, с. 52–55]. Увы, эти же непроверенные данные были отчасти использованы и при написании статьи об А. С. Бежковиче для соответствующего тома «Енциклопедії сучасної України» [12, с. 368], хотя само появление в ней имени репрессированного кубанца стало важным этапом в закреплении его научного наследия в украинском научном дискурсе.

Дневники Бежковича ушли в печать, а авторы данной статьи решили продолжить поиск, чтобы теперь хотя бы для себя развеять возникшие сомнения. Так родился временный творческий дуэт, сплотивший нас во имя реконструкции научной биографии кубанского уроженца. Первым де-

лом мы направили запрос в Российский этнографический музей, где он работал, полагая, что интерес к биографии их сотрудника вызовет у руководства положительный отклик. К удивлению, ответа, даже отрицательного, мы не получили. Причина его стала вскоре понятна — сотрудники РЭМ решили сами написать о своем коллеге обстоятельную статью. Работал над ней профессор А. М. Решетов. Казалось бы, всё логично. Ведь музею А. С. Бежкович много лет жизни, а значит, в архиве именно этого научного учреждения отложились ценные документы для написания предполагаемой работы, и чем тут могут помочь коллеги с далекой Кубани? Но иногда даже железная логика не срабатывает. Ведь, как всем стало ясно позднее, это был тот самый уникальный случай, когда только общими усилиями можно достичь истины и которым пренебречь было нельзя.

Биографический очерк, подготовленный А. М. Решетовым, вышел в 2000 г. в «Лавровском сборнике» 2006–2007 г. [9, с. 271–275], посвященном, как видно из названия, другому уроженцу Кубани профессору Л. И. Лаврову, также блистательно проявившем себя на ниве советской этнографии и кавказоведения. В ней повторялись уже известные нам сведения, за исключением одного факта: оказалось, что в документах отдела кадров местом рождения профессора Бежковича значился вовсе не Екатеринодар, а кубанская станица Нововеличковская, причем местом её расположения указывалась никогда не существовавшая в природе Екатеринодарская губерния. И хоть находится станица недалеко от Краснодара, к краевому центру она, разумеется, не имеет никакого отношения. То есть объективных причин, чтобы спутать эти два географических названия, не было. Получалось, что и профессор А. М. Решетов легко оказался жертвой чужой мистификации. На Кубани каждый школь-

ник знает, что до революции край назывался Кубанской областью, знал об этом и А. С. Бежкович, как, впрочем, знал он и свою настоящую фамилию, и реальную дату рождения, и места службы, которые в его личном деле также основательно искажены. Оставалось понять, зачем маститый ученый морочил голову своим первым биографам, и раскрыть его тщательно оберегаемую тайну, разглашение которой уже никому из живущих не навредит.

Проверить нововеличковский след мы просили культуролога Аллу Ивановну Федину (ученица проф. В. К. Чумаченко), которая десять лет проработала в этой станице художественным руководителем ДК. Успешный краевед-поисковик, она обзавелась в станице множеством друзей, которых регулярно проводывала и после того, как защитила кандидатскую диссертацию. Результаты её обхода станицы ещё более подстегнули любопытство исследователей. В станице не оказалось ни одного Бежковича, зато десятками исчислялись представители семейств Бежко и родственников им Бешко, и даже одна из главных улиц населенного пункта носила это имя*. Не упоминались Бежковичи и в истории станицы, написанной местным краеведом Р. П. Чернухой [10].

Предстояло продолжить поиск. Профессор Чумаченко взял на себя розыски следов архива А. Бежковича и составление его подробной библиографии, а архивисту С. В. Самовтору предстояло совершить «заплыв» в самые потаенные уголки Государственного архива Краснодарского края, где он официально работал.

«Русская» часть архива обнаружилась в библиотеке Русского географического общества в Санкт-Петербурге (ф.

---

* Оно присвоено в честь местного уроженца генерал-майора Петра Максимовича Бежко.

37; 57 ед. хр.), украинская — в отделе рукописных источников Института искусствоведения, фольклористики и этнологии им. М. Т. Рильского Национальной академии наук Украины (ф. 51, 104 ед. хр.), откуда наши коллеги прислали не только полное описание фонда, но и копии некоторых рукописей на кубанские темы, за что авторы выражают им сердечную благодарность. В Государственной библиотеке России удалось скопировать редчайшие публикации А. С. Бежковича 1920-х гг., посвященные исследованию Кубани и Адыгеи.

Но самые интересные находки к реконструкции биографии ученого нас ожидали в фондах Государственного архива Краснодарского края. Обнаруженные документы красноречиво и вполне однозначно свидетельствовали, что никакого «екатеринодарца Афанасия Бежковича» никогда не существовало, а был офицер Русской Императорской армии, а с 1918 г. — Добровольческой армии, Афанасий Семенович Бежко. Автобиография и биография в советское время были явно «подчищены». Так делали многие из «бывших», кто по итогам Гражданской войны не ушел за кордон, а попытался выжить в новых советских условиях. В документах они к подлинной фамилии дописывали лишние буквы, например, окончания «-в», «-вский», «-вич», «-венко», «-ненко» и т. д., чтобы ее изменить, насколько хватит фантазии и свободного места в строке. Особенно интересны два послужных списка офицера Бежко: за январь 1918 г. и август 1919 г. [7]. Из них-то и становятся ясными многие десятилетиями остававшиеся в тени моменты биографии «кубанского периода» в жизни ученого.

Афанасий Семенович Бежко — сын казака из станицы Нововеличковской Екатеринодарского отдела Кубанской области. Родился 28 ноября 1890 г. (в официальных документах и биографии советского периода позднее уба-

вил себе два года, возможно, для того, чтобы стать «непризванным» на момент Гражданской войны, или чтобы его труднее было идентифицировать для новой власти, и особенно при поступлении в университет?). Вероисповедания православного, холост. Ни за ним, ни за его родителями недвижимого имущества, родового или благоприобретенного, не имелось. Образование домашнее, позднее окончил ускоренный курс знаменитой Тифлисской школы прапорщиков [Ф. 396. Оп. 5. Д. 614. Л. 53 об.].

Учительство А. С. Бежко в дореволюционный период — тоже оказалось мифом, попыткой подретушировать биографию. Учителей с фамилией Бежко (а также Бешко, Бежкович, Бижко или другими похожими) на Кубани в то время не было, о чем свидетельствуют материалы «Кубанских календарей» за соответствующие годы и документы Дирекции народных училищ Кубанской области Кубанского краевого архива (фонд № 470), где учтены личные дела всех учителей народных училищ. Ни в одном из них такая фамилия не значится [Ф. 470. Оп. 2 (алфавитный указатель фамилий учителей)].

Гречаная Балка, где он якобы служил по Министерству народного просвещения, оказалась и не станица вовсе, а хутор в юрте станицы Роговской, причем не очень большой, так как к началу Первой мировой войны его население составляло около одной тысячи человек [Ф. 472. Оп. 1. Д. 22. Л. 24]. К тому же вплоть до 1920-х гг. он назывался иначе — хутор Гречаный. Если бы А. С. Бежко там учительствовал в 1914–1916 гг. (а на самом деле в это время он находился на действительной военной службе, принимал участие в сражениях), то он бы его и называл соответственно. Если же он его называет Гречаная Балка или Гречанобалковский, то, скорее всего, это уже меморатный пласт более позднего периода жизни. Возможно, в начале 1920-х гг. он и был там учителем. Да и термин

«начальная школа» также более характерен для советского периода, а до революции в ходу (в официальных бумагах, по крайней мере) был термин «начальное училище» или «народное училище». В хуторе Гречаном в этот период было «Гречаное хуторское одноклассное смешанное начальное училище». Одноклассное, т. е. с трехлетним курсом обучения. Оно было основано в 1900 г. В 1916 г. в нем обучалось 32 мальчика и 17 девочек. Других учебных заведений в хуторе Гречаном не было. В годы, когда там якобы был учителем А. С. Бежко (1914–1916), там преподавали Пантелеймон Васильевич Соловей (заведующий, 1-й учитель и учитель пения) и Василий Васильевич Кобецкой (2-й учитель). Инструктором, т. е. обучал мальчиков основам военного дела и гимнастики, в училище числился урядник Стефан Федотович Дзюба. Законоучителя в этом училище не было, каждый из двух учителей преподавал Закон Божий под руководством священника Беловидова. Других учителей в хуторе Гречаном в тот период не было [Ф. 472. Оп. 1. Д. 40. Л. 23–24].

С 1 января 1911 г. А. С. Бежко был призван на военную службу и зачислен в штат писарей Кубанского областного правления, только не сразу, а с 24 августа 1912 г. (Приказ по кубанскому областному правлению № 238. п. 2) [Ф. 396. Оп. 5. Д. 614. Л. 54]. В 1913 г. А. С. Бежко не «комиссован по болезни», как указывал он позднее, а на самом деле 13 августа был «отчислен от областного правления на годичную льготу» [Там же].

10 августа 1914 г. снова Афанасий Семенович мобилизован, т. к. начиналась Первая мировая война. С 1 января 1915 г. он зачислен в 15-й Кубанский пластунский батальон. Приказом по батальону (№ 67 от 9 марта 1915 г.) произведен в младшие урядники «за отличие в бою 4 и 5 марта». Приказом по батальону (№ 76 от 19 марта 1915 г.) переименован в

старшие урядники. 25 апреля 1915 г. командирован в школу прапорщиков и, наконец, 29 мая зачислен в 4-ю Тифлисскую школу прапорщиков «для прохождения курса». По её окончании приказом по войскам Кавказского военного округа от 20 августа за № 316 Бежко произведен в прапорщики с назначением в распоряжение Наказного атамана Кубанского казачьего войска. Назначен в 1-ю Кубанскую пешую сотню, куда и прибыл на Кубань 2 сентября 1915 г. 25 сентября 1915 г., будучи командирован с 6-й маршевой сотней в распоряжение начальника 1-й Кубанской пластунской бригады. 23 октября 1915 г. назначен в 1-ю сотню 5-го Кубанского пластунского батальона, 22 июля 1916 г. назначен временно командующим 1-й сотней. Высочайшим приказом от 27 августа 1916 г. произведен в хорунжие (со старшинством с 23 февраля 1916 г.). Приказом по Кавказской армии от 5 ноября 1916 г. за № 520 награжден орденом Св. Анны 4-й степени «За храбрость», за отличия, оказанные в боях против неприятеля. Высочайшим приказом от 12 декабря 1916 г. произведен в сотники (со старшинством с 23 июня 1916 г.). Приказом по армии и флоту от 11 июля 1917 г. произведен в подьесаулы (со старшинством с 23 декабря 1916 г.) [Там же. Л. 54-54 об.].

В 1917 г. он уже временно командующий 3-й сотней, младший офицер 1-й сотни, потом временно командующий 1-й сотней. Наказаниям и взысканиям, как отмечено в послужном списке, А.С. Бежко не подвергался. Участвовал в походах и «делах» против Австро-Венгрии, Германии и Турции в 1914—1917 гг. Отмечалось, что в службе сего обер-офицера не было обстоятельств, лишающих его права на получение знака отличия «беспорочной службы», или отдаляющих срок выслуги к сему знаку. Среди боевых действий и походов, в которых участвовал подьесаул 5-го Кубанского пластунского батальона А. С. Бежко в войну 1914—1917

гг. — защита позиций у с. Виниатинце; переезд морем из Новороссийска к г. Ризе (Турция) 23–25 марта 1916 г.; бои Трапезондской операции 1-6 апреля 1916 г.; защита позиций у с. Ливадия 6 апреля — 9 июня 1916 г.; бои Байбуртэ-Эрзиджанской операции 9 июня — 16 июля 1916 г.; защита позиций у с. Шорох и Шам-Паша Кара-Дербенди 4 марта — 1 декабря 1917 г. [Ф. 396. Оп. 5. Д. 614. Л. 57]

На основании приказа по Кубанскому казачьему войску № 568 с 4 января по 7 марта 1918 г. временно командовал 1-й сотней. 7 августа 1918 г. зачислен в Добровольческую армию, где в 5-м Пластунском батальоне был помощником начальника, а с 9 сентября — начальником команды пеших разведчиков. 31 декабря 1918 г. «переименован» в есаулы (со старшинством с 1 января 1919 г.). Участвовал в походах и «делах» против красноармейцев с 7 августа 1918 г. по 23 октября 1918 г., когда был ранен, и с 16 декабря 1918 г. по 23 марта 1919 г., когда был вновь ранен при взятии с. Киста Ставропольской губернии. 24 августа 1919 г. есаул А. С. Бежко представлялся к производству в чин войскового старшины, но не был утвержден, т.к. для выслуги ценза не хватало 1 месяца и 11 дней [Ф. 396. Оп. 5. Д. 349. Л. 196–198].

И станица Нововеличковская, и станица Роговская, и хутор Гречаный, и все другие окрестные хутора и станицы были в то время полностью украиноязычными, сохранившими в быту и традиционном ведении хозяйства многие элементы материальной и духовной культуры метрополии (больше всего здесь было выходцев из Полтавской и Черниговской губерний). Возможно, это и пробудило впоследствии интерес к этнографии, материальной культуре своего народа у бывшего командиром пешей разведки пластунского батальона, привыкшего обращать внимание на каждую мелочь.

Но вернёмся к истории Нововеличковской и появлению в ней переселенцев по фамилии Бежко. А фамилия эта, как отмечено выше, одна из самых распространенных в станице. В конце XIX в. большая партия казаков станицы Нововеличковской переселилась на дополнительный надел станицы Роговской (хутор Гречаный?). Людей по фамилии Бежко среди переселенцев было 11 семей. После разгрома Белого движения на Кубани (весна 1920 г.) Афанасий Семенович мог укрыться у многочисленных дальних родственников именно на хуторе Гречаном. Хутор относительно небольшой, находится в стороне от крупных населенных пунктов — идеальное место, чтобы укрыться от посторонних глаз. Примерно в это время хутор и получает название Гречаная Балка, отчего у А. С. Бежковича это название и отложилось в памяти (напомним, и в его служебной автобиографии). Возможно, он тогда и учительствовал там, а заодно по документах и «помолодел» на два года, назвал г. Екатеринодар местом своего рождения (чтобы не связали с белым офицером А. С. Бежко из Нововеличковской), возможно, именно там у него появилась новая фамилия — Бежкович. Позднее, уже с новыми документами, он отправиться учиться в Петроград, изучать увлекшую его этнографию.

Кроме учебы в университете А.С. Бежкович стал активным членом Петербургского/Ленинградского общества исследователей украинской истории, литературы и языка (образовано в 1921–1922 гг.) — фактически филиала Украинской академии наук, который специализировался на изучении жизни украинцев РСФСР. «О. Бежкович» был в списках этого общества почти с самого начала. Неоднократно выступал на заседаниях с научными докладами, главным образом по кубанской тематике, публиковался в «Научном сборнике» общества и 2 июня 1926 г. был избран

действительным членом этой организации. Данный факт, скорее всего, и сыграл роковую роль в дальнейшей судьбе А.С. Бежковича.

Когда начались аресты по «Делу славистов» (дело «О русской национальной партии»), то среди крупных деятелей академической науки СССР 1920–1930-х гг. было немало украинистов, в том числе: заведующий украинским отделением Русского музея Б. Г. Крыжановский, этнолог Н.И. Лебедева, профессор К. В. Квитка, литературовед К. А. Копержинский и многие другие. А. С. Бежкович не признал себя виновным ни на следствии, ни на суде. Его досрочное освобождение из лагерей не предусматривало возвращения в крупные столичные города, поэтому следующий длительный период жизни ученого прошел на Кавказе и в Средней Азии. Только в конце 1940-х гг. он получил разрешение вернуться в Ленинград и начал работать в Государственном музее этнографии народов СССР.

С конца 1950-х гг. ученый возобновил научные поездки на Кубань, подготовил по их итогам несколько публикаций. В 1960-е гг., уже будучи на пенсии, А. С. Бежкович снова побывал в станице Нововеличковской, где записал от своей племянницы — Мелании Бежко цикл украинских народных песен (1965–1966 гг.) [1]. Дальнейшее изучение интересной, непростой, в чем-то героической, где-то трагической, сильно запутанной и хорошо «залегенизированной» биографии А. С. Бежковича требует продолжения архивных поисков.

В приложении к статье нами впервые публикуется и одна из двух адыгских легенд о черкесском проводнике Хатхе, записанных Михаилом Семеновичем 18 января 1924 г. в ауле Панахес от старика Пандуса Казанче [8. Ф. 51. Д. 74. Л. 1–3]. В ней утверждается, что высшие

силы, мифические существа всегда на стороне людей пусть небогатых, но достойных, красивых душой и телом мужчин, и что женщина, даже если в её облики скрывается сама чёртовка, недавняя обитательница камышовых зарослей, в благодарность за любовь такого мужчины готова всю жизнь терпеливо и самоотверженно опекать своего мужа. Чем не рассказ об основах мироздания!

Приложение

1. Из «Дневника» А. С. Бежковича, 1924 г.

15 января 1924 г., аул Панахес. Сегодня я приехал к черкесам племени шапсугов. Среди шапсугов есть гривенцы. Это те гривинцы, которые жили в Гривенском ауле близ нынешней станицы Гривенской, которые в племенном отношении составляют конгломерат всех племен, перебежавших к русским. Они первые перешли на сторону русских. Среди шапсугов встречаются нередко натухаевцы и еще реже абадзеки. Всего вместе они составляют четыре аула: Панахес, что значит аул в терне; Хаштук (ха — море, а тук — куток, что значит аул в кутку, окруженный морем). Под морем здесь подразумевается разлившаяся Кубань; Псейтук-псей (черноклен — дерево, а тук — куток, что значит чернокленовый куток); Афипсип, что значит аул впереди воды или перед водой. Все эти аулы, за исключением Панахес, населились в 1864 г. Жили все эти черкесы в горах или предгорьях. Занимались там скотоводством и сеяли для себя кукурузу, просо и полбу, изредка рожь. Сеяли мало 1 — ½ дес. Пахали деревянными плугами, быками [...].

Мазали арбы мылом, которое приготавливалось с коровьего масла и золы. Этим же мылом стирали белье и умывались и мыли мертвецов.

Если кому что надо делать, то он приглашал людей, резал барана, и все делали ему дом или что-либо другое.

Взаимоотношения черкесов с русскими хуторянами аула Покровского, по словам тех же хуторян, теперь хорошие, а раньше были плохие, доходили до драки, кончавшейся убийством. Они воровали лошадей и вообще скот, захватывали, если он шел на их земле.

Теперь черкесы не воруют и отношения с ними хорошие.

При угощении черкеса он спрашивает, есть чушка в борще или нет, если нет, то садится и кушает. Некоторые хлеб режут своим ножом.

16 января 24 г., аул Панахес. Черкесы больше говорят о червонцах, чем мы студенты. К этому их побуждает налог, который они платили и платят деньгами по червонному исчислению. И вот рост червонца сильно бьет их по карману, т. к. повышение цен на их продукты значительно медленнее роста червонца. Поэтому налоговое бремя, еще усугубляется ростом цен на червонец.

Ко мне обратился один старик-черкес с таким вопросом: «Скажи, если твоя умный человек, когда червонца не будет расти или когда ево не будет». Когда слушаешь черкесскую речь, то только и слышишь: «Червонца, червонца 42, 43...».

То, что они обращают большое внимание червонцу, за это говорит почти анекдотический случай. Не так давно в ауле Гожегорий (?) старик черкес, владеющий плохо русским языком, а потому, понимая в буквальном смысле слово «рост» и слыша все время, что червонец растет, в то же время, не веря этому; он решил проверить. Приобрел для этого червонец, положил его на бумагу и тщательно обвел

кругом карандашом. И потом 7 дней следил за ним, чтобы убедиться, растет он или нет. И когда он убедился в том, что червонец не растет, то пошел в исполком и начал ругать представителей власти самой отборной русской руганью, говоря: «Вы все время говорите, что червонец растет, а вот я его проверил, и он не растет. Вы обманываете нас, чтобы наживаться на этом». А о росте червонца в ауле всегда узнают в исполкоме тогда, когда им приходится взносить налог.

Высчитывать стоимость червонца и рубля совзнаками не все могут. Кто не умеет — идет к грамотному, умеющему, и тот ему считает.

17 января 24 г., аул Панахес. В комнатах черкесов, по крайней мере, в тех, где я бывал чище, чем в соседних хуторах — там неизбежные помои, а тут их нет. Мне говорят, что они грязны — я этого не наблюдаю. Или потому, что бываю в тех комнатах, где живут только мужчины — в кунацких. Те же, кто говорит, что черкесы грязны, а потому что вонючи — впадают в ошибку, принимая слабый запах черкесов, свойственный каждой народности за вонючий.

Бани нет, подогревают воду в саклях и моются, хотя редко, в 3–5 недель раз. Белье меняют по состоянию, кто богат — в 9 недель раз, а кто беден — в 4, 5, 6 недель раз или носит, пока не изорвется. Черкешенка одета в одежду фабричного производства. Только чулки носят собственного производства. Ни полотна, ни сукна я не видел на них. Теплой одежды у черкешенок также не видел: все одеты налегке. Это объясняется тем, что черкесы вообще за время революции обеднели и что они сидят в саклях, а потому могут обходиться и без теплой одежды.

Черкешенка держит в порядке саклю — она готовит пищу, доит коров, кормит птицу, шьет одежду себе,

детям и мужу. Шьет чувяки, вяжет чулки для семьи и если может, то прядет шерсть для сукна. Черкес делает остальное по хозяйству, за лошадьми ухаживает.

Сами черкесы говорят, что их жены ничего не делают и ленивы. Женщина, по их словам, немножечко каша вари, немножко мамалыга вари, чевяк делай и больше ничего и говорит, что ей некогда, что она сильно занята. Раньше, если гость в доме, то женщина не показывалась в комнате, где гости, кушанье подносил кто-либо другой. И вообще она не должна видеть гостя. Теперь это не так, бывают случаи, что и женщина входит.

Посев достиг половины довоенной нормы. Причины: нехватка семян. Относительно скота один хозяин мне сказал, что до прихода товарищей у него было 12 шт. скота, а теперь 2 шт. и так почти во всех.

Черкесы собрали по 10 пудов кукурузы и хотят предпринять выписку или обмен на мануфактуру. Черкес говорит: «Совсем нет одежда, мальчик совсем голый». И действительно это так. То, что дети ходят босиком в школу — не секрет. Так говорила учительница. И за это расплачиваются лихорадкой.

18 января 24 г., аул Панахес. Особенности черкесских песенников: все они, когда поют, то закрывают глаза и поют протяжно, заунывно, где чувствуется тоска и скорбь. Вся прошлая жизнь черкесов это военные эпизоды и все они хранятся в памяти народа в песнях. Большинство этих песен военные, в которых перечитывают подвиги героев, и как совершен и где этот подвиг. Когда поют, то один перечитывает, а остальные поют припевы.

Сегодня мне рассказали, о молодом черкесе Петуаш Атаме, который раньше боялся большевиков. И ког-

да пришли войска красных, то он скрывался. Но потом поступил в комсомол и был командирован в совшколу в Краснодаре, а теперь учится в Москве. На рождественские каникулы он приезжал в отпуск. И все время пребывания в своем ауле собирает молодых черкесов и днем и ночью все говорит, как надо по-коммунистически жить. И один черкес о нем сказал: «Ево совсем стал коммунист». А другой: «Ево сердца совсем стал коммунистический». Старики его очень не любят. И он стариков.

19 января 24 г., аул Панахес. Женщина как жена во всем является прислугой мужа. Она не имеет права заподозрить мужа в измене. Муж может в обществе женщин проводить целую ночь и, являясь поздно домой, он всегда надеется найти жену не спящей, ожидающей своего мужа, чтобы накормить его, если он этого пожелает. Этой покорностью и услужливостью своих жен-черкешенок любят похвастаться. Так они во время гуляния, далеко за полночь держат пари, чьи жены не спят и ожидают супругов. Потом идут проверять. И горе той жене, которая вздумает лечь, не дождавшись своего господина. Народная мудрость, выраженная в пословице относительно верности мужа, говорит: «Тот не мужчина, который не имеет несколько любовниц».

О черкесских детях. По словам учительницы аула Панахес ей черкесские дети нравятся до безумия своими способностями. Хорошо успевают дети в арифметике и даже русском языке. У нее учится 46 мальчиков и 2 девочки.

Раньше до покорения Кавказа у черкесов было до 7 жен, а теперь это редкое явление, только у двух человек есть по две жены, а больше ни у одного.

Почитание старших раньше лучше соблюдалось, чем теперь.

Раньше женщина на свадьбе не была, а лет 20–30 тому назад начала появляться.

20 января 24 года, аул Панахес. Сегодня был такой случай: у черкеса, женатого на русской, немагометанке, умер ребенок, и Эфенди отказался хоронить его по магометанскому обряду, мотивируя это тем, что черкес живет с русской. В общем, это мера воздействия на черкесов, чтобы они не женились на русских. А в последнее время эти случаи все более и более учащаются. По этому поводу председатель поехал с двумя стариками к волисполкому, чтобы тот воздействовал на Эфенди. Я уехал, не дождавшись решения этого вопроса.

О другом случае влияния Эфенди на жизнь черкесов мне рассказала русская учительница. Как-то она учила с учениками песню «Смело, товарищи, в ногу...». Дети учили довольно успешно. Но на утро пришли и на ее глазах бросили списанную песню в печку. И заявили, что Эфенди сказал: если дети будут эту песню учить, то пойдет такой сильный град с неба и большой, как человеческая голова, и побьет вас, т. е. детей. Эти слова сразу подействовали на детей, которым верят и сами старики. В общем, черкесское магометанство смелее выступает против коммунизма, чем русское христианство.

Комсомольцам он также грозит тем, что не будет их отпевать и допускать к религиозным обрядам.

Всех комсомольцев в этом ауле 45 человек, а раньше было 60. Грамотных только 6 человек, да и те плохо, т. е. малограмотны.

21 января 24 года, аул Псейтук. Надо отметить то обстоятельство, что черкесы любят долго спать, казаки зимой встают рано с восходом солнца, а черкесы всегда

позже. Летом они спят до 9 часов. К этому времени казаки уже успевают до усталости поработать. В 9 часов уже наступает жара, и черкес, конечно с меньшей охотой работает.

Был случай, что один старик черкес увидел, что у другого черкеса нет рубашки, отдал ему свою. Эти поступки среди черкесов нередки.

Осенью был передел земли по едокам, 2 десятины на едока. Бывшие частновладельцы земли в ауле также разделили. Эти владельцы недовольные переделом и подали жалобу в городской исполком. Оттуда приказано взять образцы почвы, чтобы разрешить этот вопрос. Говорят бедняки, что переделали без драки, но теперь придется драться.

22 января 24 года, аул Псейтук. Живут черкесы большими семьями: два, три, пять братьев в одном дворе, нередко все старики с семьями, в среде которых есть взрослые и женатые сыновья. Имущество у них не разделено: всё вместе. Жены и дети живут в одной комнате и не сорятся. Сами братья имеют свои отдельные кунацкие, где они живут, едят, проводят время и принимают гостей. В женскую половину мужчины не заходят.

Женщины делают: чуваки, мужские и женские, туфли, ботинки и вяжут чулки, платки, кошелки, чеканки и корзинки плетут. Они же и портные.

Среди мужчин можно встретить только кузнецов. Все же остальные ремесла не развиваются. Мужчина только хлебороб и скотовод. Мужчина обвиняет женщин-черкешенок в лени, но посторонний понаблюдает и скорее обвинит в этом мужчину. Но в степь женщина не едет.

23 января 24 года, аул Псейтук. Черкес может очень легко пообещать тебе все, что только не попросишь. Но

исполнить никогда не подумает. Это даже делают те, кто считается черкесской интеллигенцией, как черкесские учителя.

Отношение к власти такое: когда большевики у них, то они считают себя большевиками, а когда кадеты были — то кадетами. И эту свою хитрость они считают вполне целесообразной. И удивляются, как это казаки не умеют так делать. И благодаря этому страдают — их расстреливают красные. Или хуторяне, которые, по их мнению, еще менее опытные в отношении политики, т. к. когда они были белые — они все против белых, а когда стали красные — они против красных, хотя тогда ожидали прихода красных. Так рассуждают все черкесы, а говорил это председатель аула.

И вообще подчиняются только за страх, а не по убеждению. Председателя, который не может их наказать, они не слушают. Вообще гражданственность у них очень слабо развита. По быту, а, следовательно, и характеру, т. к. он формируется бытом — они народ военный, и с них были бы хорошие офицеры и солдаты. Военная жизнь как бы импонирует их народной психологии.

19 23/1 24 год

*аул Псейтук Адыгейской Автономной
(республики) области.*

О черкесском воспитании. Черкесы учили своих мальчиков стрельбе и верховой езде, а затем и землю пахать. Жизнь предъявляла три основных требования к черкесу, пускающемуся в жизнь: езда на лошади, умение воевать (стрелять) и кормиться (пахать и сеять хлеб). Стрелять учили так: делали из бузины подобие ствола, насыпали туда горох и поджигали. Если после взрыва мальчик вздрагивал, то отец брал его за нос и за уши и про-

учивал. Черкесы говорят: «У нас первое дело — выучить сына ездить верхом, стрелять и пахать, чтобы он мог сам кормиться». Девочек мужчины не учат.

*Июль 24 г., аул Карповский.
Со слов Ябрука и других черкесов.*

№ 2. Легенда о черкесском проводнике Хатхе

18 января 1924 года, аул Панахес, передал старик Падус Казанче. В старое время, когда еще не было казаков на Кубани и когда Тамань был наш город, туда собрались войска, чтобы оттуда идти на врагов. И вот шапсугское войско под предводительством беков шло в Тамань. Шли они долго. И, наконец, заблудились, т. к. был сильный туман и дорога шла через густой лес. Войско устало, а потому остановилось на отдых. Отдохнув, войско опять двинулось в путь, шли долго и под дождём. И опять [они] пришли на то же место, где отдыхали. И так это войско блудило по лесу то в тумане, то под дождем трое суток. Люди голодали, а лошади страшно устали. Многие начали болеть, а некоторые умерли. Вожди войска растерялись.

Вновь двинулись в путь без всякой надежды выбраться из леса и плавней. И во время этого движения у молодого джигита Хатке захромала совсем здоровая лошадь. Войско ушло, а Хатхе остался со своим любимым конём, с надеждой, что этот конь выздоровеет и он с ним догонит войско.. Да всё равно без коня возвращаться в аул ему было бы стыдно. Войско ушло, а Хатхе остался один со своим хромым конём. Вокруг было тихо, и солнце са-

дилось за лесом. Вдруг слышит [он] треск и шелест камыша. Хатхе оглянулся назад и увидел красивую женщину, которая подошла к нему и спросила, чего он здесь стоит. Хахе рассказал ей, почему он стоит. Тогда эта незнакомая женщина сказала, что она чёрт и что его лошадь заболела, потому что она этого захотела. И тогда начала говорить, что она влюблена в Хатхе и если он женится на ней, то она поможет ему вывести войско и всегда будет служить надёжным проводником, где бы он ни был, так как войско блудит потому, что она это так сделала. И если он не женится на ней, то войско будет ходить по лесу и плавням в поисках дороги пока не погибнет.

Хатхе был молодым и красивым наездником, но незнатного рода. Он долго размышлял, но потом решил согласиться на предложение незнакомки, чтобы спасти войско и себя. Лошадь сразу сделалась здоровой, и на ней юноша быстро нагнал войско. В войске все удивились, как мог он так быстро догнать их. Ему его жена-чёрт сказала:

— Как только приедешь в войско, скажи, что ты хо-роший проводник и сможешь найти дорогу в Тамань.

Он так и сделал. Но ему никто не поверил, и даже внимания на него не обратили. Тогда Хатхе продолжил ехать сзади, как и раньше. Ещё раз заблудились, остановились и начали резать лошадей и есть их мясо, чтобы не умереть с голода. Когда войско отдохнуло, тогда Хатхе опять сказал, что он найдёт дорогу в Тамань и что кто хочет скорее выбраться из леса и плавней, тот должен ехать за ним. Опять некоторые черкесы и все беки не поверили ему. Но были такие, что думали: «Может ему от бога дано вывести войско», — и пошли за ним. Хатхе ехал впереди всего войска, а беки и старые всадники ехали за ним. Пришли в Тамань, остановились в 15 верстах от города. С города им привезли много мяса, хлеба

и вина. Всё это сделала жена-чёрт Хатхе. Войско наелось, все стали весёлые, начали узнавать, кто нашёл дорогу и привёл войско в Тамань. Вожди говорили, что это они, а Хатхе молчал. И только двум своим приятелям сказал о том, что всё это он сделал и просил их никому не говорить об этом.

Когда пошли из Тамани, то опять сбились с дороги и долго блуждали. Тогда опять начали говорить, что не вожди вывели войско, когда оно блуждало, а кто-то другой. Тогда Хатхе заявил, что он выведет, если они пойдут за ним. И все просили его, даже вожди, чтобы он вывел их. Вожди признались, что и в Тамань привели не они. Хатхе шёл впереди, а за ним вожди и войско. Он шёл за своей женой, которая показывала ему дорогу. Но её никто не видел, кроме него.

Когда войско пришло домой, то по всем аулам разнеслась весть о проводнике Хатхе, и его начали называть гъуаз*, что значит компас. Если черкесы когда собирались в какой-либо поход, то всегда приглашали Хатхе быть их проводником. Когда Хатхе шёл воевать, то он всегда брал с собой 15–20 человек, и он всегда побеждал врагов. Это всё делала так его жена-чёрт. Хатхе был дворянин, и князья завидовали его успехам и за это его не любили, но ничего сделать с ним не могли, т. к. боялись его. А когда в ауле узнали, что его жена чёрт, то [все] стали бояться его.

Использованная литература:

1. Бежкович А. С. Из песенного фольклора станицы Нововеличковской / публ. и предисл. В. К. Чумаченко // Культурная жизнь Юга России. 2013. № 3. С. 57–60.
2. Бежкович А. С. Коллективизация сельского хозяйства на Юге России. Л.: Прибой, 1927.

---

* Гъуаз — в переводе с адыгейского — проводник.

3. *Бежкович А. С.* Молодые черкесы // Обновленная деревня: сб. М., Госиздат, 1925. С. 151–166 (подп. А. Бай).
4. *Бежкович А. С.* Предел старой жизни (дневники 1923–1924 гг.) / публ. и предисл. В. К. Чумаченко // Родная Кубань. 2004. № 2. С. 56–86.
5. *Бежкович А. С.* Черкесский комсомол // Комсомол в деревне / под ред. проф. В. Г. Тан-Богораза: сб. М.: Госиздат, 1926. С. 192–202 (подп.: А. Бай).
6. *Бежкович А. С.* Черкесы и русская культура // Революция в деревне: сб. М.: Госиздат, 1924. С. 120–138 (подп.: А. Бай).
7. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 396. Оп. 5. Д. 349; Д. 614.
8. Інститут мистецтвознавства, фольклористики та етнології ім. М.Т. Рильського НАН України. Особові фонди Архівних наукових фондів, рукописів та фонозаписів.
9. *Решетов А. М.* А. С. Бежкович — этнограф и музеевед // Лавровский сборник: материалы Среднеазиатско-Кавказских исследований. Этнология, история, археология, культурология, 2006-2007. СПб.: Музей антропологии и этнографии РАН, 2007. С. 271–275.
10. *Чернуха Р. П.* Очерки истории станицы Нововеличковской. Динская: ИНФОРАЙ КО, ЛТД, 2002.
11. *Чумаченко В. К.* «Дело» Опанаса Бежковича // Родная Кубань. 2004. № 2. С. 52–55.
12. *Чумаченко В. К.* Бежкович Опанас Семенович // Енциклопедія Сучасної України. Київ: Координаційне бюро Енциклопедії Сучасної України НАН України, 2003. Т. 2. С. 368